

УДК 316.4.06

Мерзаканов Сергей Айтчевич

кандидат социологических наук
Туапсинский филиал РГГМУ
dom-hors@mail.ru

**КРИМИНАЛИЗАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В КРИЗИСНОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Merzakanov Sergei Aytechevich

PhD in Sociology,
Tuapse branch of RSHU
dom-hors@mail.ru

**CRIMINALIZATION PROCESSES
IN CRISIS RUSSIAN SOCIETY**

Аннотация:

Статья посвящена анализу факторов, стимулирующих криминогенные процессы в кризисном российском обществе, в частности, неправовые практики, а также криминальную субкультуру.

Ключевые слова:

криминогенные процессы, российское общество, криминальная субкультура.

Summary:

This article analyzes the factors driving criminogenic processes in the crisis the Russian society, in particular, illegal practices and the criminal subculture.

Keywords:

criminogenic processes, the Russian society, the criminal subculture.

В переходные периоды жизни общества кризисный уровень во всех его видах и формах неизбежно повышается. Это объясняется, согласно П. Штомпке [1], ростом неопределенности, последствиями социальной травмы, связанной со сменой ценностных ориентаций. В такие периоды происходит размывание социальных ожиданий, снижение регулятивного потенциала принятых ранее норм. В то же время кризис в обществе нельзя рассматривать как нечто однозначно негативное для выживания системы в целом. Кризис выполняет интегративную социальную функцию, на основе синергетического эффекта стимулируя мобилизацию человеческих ресурсов в условиях более сложной для адаптации реальности. Переходные периоды, периоды ломки устоявшихся институтов, хотя и связаны с нарастанием кризисности, одновременно ознаменованы интенсивным социальным творчеством, активным поиском инновационных путей развития. В этих социокультурных условиях происходят изменения в процессе социализации, вырастают поколения людей, рассматривающих риск как неотъемлемое и необходимое свойство социальной среды.

Социум, ставший опасным для своих членов, социальная среда, отличающаяся враждебностью – эти характеристики современного российского общества являются, к сожалению, реальностью, а не гиперболой. При кризисном состоянии общественных отношений резко увеличивается и количество факторов, вызывающих стресс, связанных с резко возросшей уязвимостью членов данного общества в когнитивном, социопсихологическом, социокультурном и социоэкономическом измерениях социума, общественных отношений, что вынуждает индивидов и группы корректировать свои приспособительные реакции к социальной среде, характеризующейся новыми, расширившимися и увеличившимися угрозами и рисками.

В обществах, попавших в такую ситуацию, имеет место аксиологический вакуум, образующийся в силу расшатывания традиционно устоявшейся системы ценностей. Состояние аксиологического вакуума характеризуется, прежде всего, общим снижением ценностного статуса морали, нравственности, размытостью ориентиров в понимании добра и зла. Упадок социального авторитета традиционных ценностей сопряжен с общим разочарованием, личностной резигнацией, профанизацией идеи личной ответственности и личного выбора.

Конфликт усугубляется и дисбалансом между навязываемыми сегодня квази-потребностями (К. Левин) и возможностями их удовлетворения, что не может не усугублять ситуацию социальной неудовлетворенности, напряженности в обществе, внося свой вклад в общую стрессогенность социальных отношений и в их брутализацию. Ведь в мотивации поведения, как отмечал Парсонс, «главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности» [2, с. 39]. То есть если может быть навязанная потребность, то может быть и навязанная стратегия её удовлетворения. Создание квази-потребности потребления чего-либо также представляет собой возникновение некой «заряженной системы», которая стремится к своей разрядке. Не находя её, система переходит в деструктивный, разрушительный режим функционирования, ещё глубже брутализируя общественные отношения. Стратегии удовлетворения потребности, которая «не по силам», известны – зачастую это криминальная деятельность, которой наиболее подвержены молодые люди. Невозможность её удовлетворения социально приемлемым способом и

неудовлетворение её способом социально неприемлемым (преступным) создает значительный по степени своего напряжения стрессогенный потенциал – «заряженную динамическую систему», которая находит свою разрядку в агрессии и деструкции того или иного вида.

Тем самым агрессия и насилие являются производными от конкретных социальных обстоятельств, в которых «застигает себя» индивид и/или общество. Условия затяжного социального кризиса как пролонгированной провоцирующей ситуации создают благоприятную обстановку для рутинизации и институционализации насилия в качестве само собой разумеющейся практики общественных отношений. Брутальность превращается в своего рода ценность, что отражается в сфере социального дискурса на разных уровнях коммуникации и усугубляется конфликтом созданных в обществе потребностей и ресурсов их удовлетворения, что не может в долгосрочной перспективе не вести к дальнейшей социоантропологической деградации общества. Так из «простога» адаптационного ресурса брутальность переходит в статус социально одобряемых и поддерживаемых жизненных стратегий, что выглядит вполне естественным, поскольку требования среды по-прежнему репродуцируют именно такой тип выстраивания общественных отношений в российском социуме.

Одним из подвидов агрессии и насилия является феномен криминализации, который рассматривается нами в социологическом смысле как принятие определенных (неправовых) практик в качестве не только допустимых, но и наиболее адекватных, и реабилитация преступного образа жизни как такового. Разница заключается в том, что родовой феномен агрессии носит часто ситуативный эксплозивный, а значит – иррациональный характер, в то время как видовое явление криминализации выступает долговременной стратегией, которая носит часто сознательный, то есть рациональный характер. Криминализация в любом случае является сущностным выражением насилия, то есть допущения возможности и непосредственного причинения вреда как физического, так и психического другому. Проблема в том и заключается, что, точно так же как агрессия и насилие вообще, криминальное содержание не только становится нормой повседневности в любой сфере социальной активности, но и перестает восприниматься как нечто однозначно порочное и неблагоприятное, что находит свое выражение и в повседневных интеракциях. Понятно, что ситуация, сложившаяся в стране, вынуждает людей защищаться, условия боевой психической патологии вызывают соответствующие приспособительные реакции, и человек ведет себя так, как по его представлениям вести себя сегодня наиболее адекватно. Если тебя не защищает государство, защищайся сам, а значит – постоянно демонстрируй собственную агрессивность. Тем самым агрессивное поведение всегда взаимообусловлено и строится по правилам социальной коммуникации, в которой всегда есть отправитель и получатель, адресант и референт, обменивающиеся соответствующими наборами символов, или «откликов» (Дж.Г. Мид). Вместе с тем брутальность может стать жизненной стратегией не только личности или группы, но и феноменом институционального порядка, практикой государства, например, что наглядно подтверждается спецификой политического дискурса.

Пролонгированности кризисной (провоцирующей) ситуации в современном российском обществе делает агрессивные реакции индивидов если и не бесконечными, то, по крайней мере, сверхчастотными. Самым очевидным следствием этого является феномен рутинизации насилия, превращения его из чего-то из ряда вон выходящего в нечто обыденное и само собой разумеющееся. В пределе эта трансформация может закончиться тем (если уже не закончилась), что насилие, агрессия как брутальные формы адаптационного поведения превратятся в самую настоящую ценность с соответствующим мотивационным содержанием. В этом случае уже нельзя будет вести речь о проблематизированных социализационных возможностях общества, поскольку социализация как таковая будет иметь место в любом случае, однако направленность её будет значительно скорректирована с учетом новых – брутальных – ценностей-целей и ценностей-средств. Другими словами, в условиях социетального кризиса агрессия принимает также социетальный характер.

Видимо, к такому состоянию социума американский социолог Эдвин М. Шур применил понятие «Преступное общество». Его можно расценивать как оценочное понятие для обозначения глубокой криминогенности того или иного общества, обусловленной его социальной сущностью, а не отдельными социальными пороками или просчетами в управлении делами общества. Подобное общество не может представлять собой благоприятную среду проживания, чувство тревожности и неуверенность в своем будущем постоянно сопровождают его граждан. Согласно результатам исследования, проведенного И.В. Задориным и Л.В. Шубиной, общий уровень тревожности россиян оказался довольно высоким: более половины граждан (66 %) считают, что жизнь в стране становится в последнее время более опасной. На сегодняшний день ситуация в России выглядит в общем неудовлетворительно: более половины (59 %) населения декларируют неуверенность в своем будущем, об уверенности заявляют существенно меньше – 36 % россиян [3].

Показательным является то, что практически на уровне 1996 г. сохранилась доля респондентов (2006 г.), испытывающих страх перед «криминализацией общества».

И только как кратковременную тенденцию мы можем характеризовать ситуацию осени 2008 г., когда 26 % респондентов отнесли рост преступности к процессам в российском обществе, вызывающим у них наибольшую тревогу. В тоже время по сравнению с тем же 2006 г. 63 % респондентов осенью 2008 г. отдали безоговорочный приоритет в своих тревогах росту цен на товары и услуги, тогда как осенью 2006 г. на них акцентировали свое внимание 51 %. В целом же 57 % россиян отметили рост напряженности в обществе [4, с. 11].

Если в сентябре 2008 г. 39 % опрошенных полагали, что напряжение в обществе либо снижается, либо остается на том же уровне, что и раньше, то к февралю 2009 г. доля оптимистов сократилась до 16 %. Напротив, подавляющее большинство россиян (78 %) склонялись к мнению, что «температура» в стране повышается, причем из числа около 40 % были уверены, что весьма существенно [5, с. 23]. И это состояние в ближайший год-полтора, по нашему прогнозу, будет возрастать наряду с ухудшением экономической и криминогенной ситуации в стране.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что кризисные состояния, которые российское общество переживало неоднократно на протяжении последних двадцати лет, являлись фактором, перманентно стимулирующим криминализацию индивидуального и массового сознания, что мы и наблюдаем в рассматриваемый исторический период.

Не является исключением и кризисные процессы последнего периода времени, которые, как показывает уголовная практика, явились факторами, спровоцировавшими противоправную деятельность в сфере крупного бизнеса, а также в сфере государственного управления.

Криминальное общество порождает свою криминальную субкультуру, которая является, по справедливому замечанию В.Ф. Пирожкова, основным механизмом криминализации молодежи, искажает или блокирует процесс социализации личности, стимулирует криминальное поведение. Культура современной России насыщена свидетельствами экспансии криминальной субкультуры, проявления криминальной идеологии можно найти во многих сегментах духовной подсистемы жизни российского общества. В связи с этим необходимо отметить, что экспансия криминальной субкультуры через проникновение в государственный аппарат, через средства массовой информации и творческие произведения ведет к «заражению» общества ее идеалами, расширяя таким образом социальную базу криминальной среды, делает ее образ жизни привычным и привлекательным.

Криминальная субкультура включает в себя традиции, жаргон, этику, эстетику, формальные и неформальные правила поведения («воровской» и «тюремный» законы). Сильное влияние криминальной субкультуры ощущается в бытовом поведении (лексика, манеры и т.д.), а также в искусстве, прежде всего в литературе, кинематографии и музыке. Особое место по криминализирующей значимости принадлежит жаргону, который выполняет несколько функций: коммуникативную, конспиративную и мировоззренческую. В нем закрепляются и передаются «из поколения в поколение» нормы, правила, принципы, традиции, установленные в криминальной среде. Жаргон объединяет, консолидирует говорящих на нем. Языковыми средствами он создает, формирует определенную картину окружающей действительности, систему нравственных и жизненных приоритетов человека. Под влиянием речевых средств меняется и система взглядов [6, с. 27].

Парсонс утверждал, что противодействия людей друг другу вообще избежать нельзя, но от этого общество не входит фатально в кризис и социальную вакханалию. Главное – чтобы работал механизм социального контроля, обеспечивающий неременное преимущество силам взаимодействия людей, что не исключает использование материальных, духовных, репрессивных и воспитательных средств. Стабильное развитие в конечном счете детерминируется общей системой ценностей, которая формирует единую мотивацию поведения, гармонизирует социальные роли через большинством разделяемые моральные ориентации. Применительно к современному российскому обществу можно утверждать, что преодолеть нынешнюю дезинтеграцию невозможно, если подавляющее большинство россиян не примет общую систему культурных ценностей. И это может быть только система ценностей, адекватная модели демократического свободного общества в её российской форме.

Ценностная детерминация социального поведения индивидов включает в себя три модуса ориентации: а) когнитивную (познавательную) ориентацию, опирающуюся на нормы, усвоенные индивидом в процессе социализации; б) эмоциональную ориентацию, предполагающую эмоциональную оценку значимости того или иного объекта для удовлетворения потребности на основе оценочных стандартов; в) моральную ориентацию, осуществляющую синтез ранее вынесенных суждений о способе действия. Она, по Т. Парсонсу, является своего рода «высшим апелляционным судом», выносящим вердикт о направленности действия в контексте сложившихся моральных стандартов.

К сожалению, в российском обществе неуклонно снижаются моральные стандарты. Как показывают результаты исследования, большинство москвичей неудовлетворительно оценивает состояние российского общества с точки зрения соблюдения норм морали и нравственности в повседневной жизни людей. 42 % полагают, что в этой области много проблем, 29 % считают ситуацию практически катастрофической. 21 % согласились с утверждением, что ситуация в целом нормальная, и только 2 % – с тем, что моральное состояние общества хорошее. При этом 58 % респондентов согласились с довольно жестким утверждением: «Мы живем в обществе корысти, бездуховности, нравственные нормы забыты и обесценены». Доля скорее или полностью несогласных с этим тезисом составила 36 %. Весьма пессимистичными выглядят и оценки последствий текущей нравственной ситуации в обществе. 66 % опрошенных полагают, что данное состояние может привести к серьезным социальным потрясениям в будущем [7].

Данные других социологических исследований также свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие по большинству включенных в сопоставление позиций действительно наблюдается сужение сферы распространения моральных норм. В первую очередь это касается норм гражданской морали, опирающейся на честность и законопослушание. Наблюдается более снисходительное отношение и к такому противоправному поведению в социально-экономической сфере, как дача взяток и уклонение от налогов [8, с. 12].

Корни этого явления следует искать в том, что основу поведения индивидов был положен принцип противопоставления себя государству как «машине насилия». Отсюда население России перманентно обкрадывает свое государство, считая это «доблестью». Государство же, в свою очередь, пытается стеснить жизнь населения всеми возможными и известными ему способами. В ходе этой войны государства с населением неизменным арбитром (буфером) между ними выступает криминальное сообщество, которое берет на себя, помимо «работы по профилю», умиротворяющие функции или решает те проблемы населения, которые государство не может или не хочет решить. В результате складывается ситуация, когда криминалитет начинает срастаться с государственными структурами (коррупция) и определенными слоями населения, которые составляют резерв организованных преступных групп (ОПГ) [9, с. 14].

Ценности, которые внедряются в общую идеологию из олигархического и криминального слоев, весьма эффективно влияют на реальное поведение населения. В отличие от парадных ценностей общенациональной культуры, они создают новые стандарты и моральные нормы, становящиеся частью обыденного сознания. Например, практический опыт и установки российских богачей, создавших свои состояния почти мгновенно, нанесли огромный урон этике труда молодого поколения, поскольку нелегальное происхождение этих состояний очевидно. Успехи преступного слоя и его идеологии размыли границы между законной и незаконной деятельностью в сознании населения, включая представителей высшей власти, которые, оправдывая свои незаконные доходы или действия, фактически используют уголовную логику.

Более того, в российских средствах массовой информации уголовники часто изображаются «хорошими парнями» и более эффективными предпринимателями, чем «законные» бюрократы. Это формирует и соответствующие стереотипы массового сознания. Другой индикатор влияния криминальной идеологии – массированное вторжение уголовного жаргона в повседневный лексикон «нормальных» людей, включая политиков самого высокого ранга. Подобного рода лексикой засорены ведущие каналы российского телевидения и радио. Криминальная идеология особенно пагубно воздействует на молодежь, которая рассматривает преступную профессию как «нормальную» и даже желательную. Она не безобидна и для высших чинов страны, так как криминальная лексика сама по себе оправдывает их пренебрежительное отношение к нормам и морали.

Нетрудно заметить, что отклонение от социокультурных норм вовсе не является достаточным критерием девиантного поведения. Не менее важен учет того, что общество в соответствии со своими культурными особенностями, ценностями выбирает определённые формы поведения и их расценивает как девиантные. Сам факт осуждения девиации является такой же её «*differentia specifica*», как и факт нарушения норм [10, с. 124]. Оценка проводит границу между нарушениями норм, терпимыми со стороны общества, и особо отвергаемыми видами поведения. Девиация является, с одной стороны, своеобразной формой поведения, более того, образом жизни, жизненным стилем, а с другой – общественным суждением, субъектом которого выступает культура общества, а объектом – сама форма поведения, а также ее носитель. В демократических обществах задачи, связанные с подобной оценкой, решаются в основном в институциональной сфере гражданского общества, тогда как в других обществах эта функция принадлежит, в первую очередь, представителям власти. Смысл оценки поведения как девиантного заключается не только в том, что она разграничивает привычное, культурно устоявшееся в данном обществе и порочное, вредное, неприемлемое, не имеющее право на статус некоего образца поведения.

Оценка, отделяя неприемлемое с точки зрения общества, в то же время выступает определенным защитным актом, указывая на риски и опасности, грозящие индивидам на этом пути. Обрисовываемый ею круг форм поведения изменчив в зависимости от рассматриваемого общества. Но даже в одном и том же конкретном обществе этот круг не постоянен, а подвержен изменению в соответствии с обновлением культуры [11, с. 125].

Таким образом, тенденция общего снижения значимости различных моральных норм действительно существует, причем основную долю снижения дают нормы институционализированные, прежде всего, зафиксированные в законодательстве. Ю.А. Левада, рассматривая моральный облик современного россиянина, развивает концепцию принципиальной двойственности («двоемыслия») советского и постсоветского человека как социально-антропологического типа, то есть его способность придерживаться двух противоположных убеждений. В своих намерениях и действиях это – «человек лукавый». Сформированный эпохой принудительного единомыслия, по убеждению Ю.А. Левады, «советский» человек остается и надолго останется двойственным, приспособленным к отеческой заботе со стороны власти и готовым скорее к «единодушному» одобрению (или отрицанию), чем к ответственному действию и самостоятельной мысли [12, с. 26].

По справедливому замечанию А.Е. Крухмолева, важный аспект трансформации социальных ценностей составляет обесценивание идеалов демократии. Необходимо в связи с этим отметить негативные последствия характерной для элиты девяностых годов XX в. переоценки роли демократии в обществе, которая понималась ею не только как желательная форма политического устройства, но и как самый адекватный путь установления более справедливого и эгалитарного общества. Через десять лет слово «демократы» стало ругательным. Лишения, коррупция чиновников и политиков, очевидные промахи и ошибки лидеров, невыполненные обещания привели к дискредитации в глазах широких масс демократических идей и ценностей, к разочарованию в возможностях демократического пути развития для России. Практические результаты политических и экономических реформ сформировали у народа пессимистические настроения, недоверие ко всем демократически ориентированным политическим силам. Возникла ностальгия по советскому прошлому, по «сильной руке», что вновь вызвало рост авторитарных тенденций и настроений, получивших идеологическое оформление в признании неготовности российского общества к демократии, непригодности западных моделей политического устройства для России. Выяснилось, в частности, что формирование гражданского общества и правового государства предполагает длительный путь эволюционного развития, исключая стремительный успех реформ. Институты демократического политического устройства не могут эффективно функционировать без опоры на гражданское общество и развитое правосознание рядовых акторов, и их фактическое бессилие еще способствовало разочарованию масс в идеалах демократии. К тому же формальные демократические институты и правила игры не дали достаточных возможностей для реального включения в политические процессы основной массы населения, не обеспечили эффективного контроля над властью и ее подотчетности обществу. Результатом стало растущее отчуждение общества от политики и власти, равнодушие к исходу выборов всех уровней.

Происходящее сегодня снижение авторитета и доверия к органам власти и законам является следствием того, что в настоящее время большинство граждан ориентируются на свои частные интересы, а правовые механизмы, регулирующие процессы конкуренции частных интересов, еще недостаточно развиты. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что усиление атомизации общества, в том числе и под видом беспредельной стихии рыночных отношений, способствует возрастанию роли индивидуалистических ценностей в сознании и поведении людей. Государство оказалось не готово к регулированию поведения граждан с индивидуалистической направленностью, к их попыткам сместить акценты при использовании государственных рычагов воздействия. Сложившаяся ситуация, характеризующаяся изменением природы государства, привела к трансформации правового поля и порождению противоречий между новыми законами, регулирующими рыночные взаимоотношения, и старыми, служащими инструментом манипуляции в руках бюрократии [13, с. 146].

Наиболее общими характеристиками общественно-политического устройства сегодняшней России можно считать: 1) неустойчивость и размытость социальной структуры; 2) очевидную и сугубо инструментальную консолидированность власти в противовес дезинтегрированному обществу; 3) значительное и патологическое отчуждение власти от народа, частью которого она является сегодня только политико-географически; 4) низкое качество власти с точки зрения её субъектности в социально-экономической модернизации общества; 5) осложненную вертикальную социальную мобильность и 6) отсутствие не только социального гаранта демократических преобразований – как в лице политического и экономического субстрата, так и в виде широких («средних») социальных слоев, но и, по крайней мере, хоть какого-то выраженного субъекта диалога с властью.

Сохраняет свою устойчивость процесс социокультурной дезинтеграции, выражающейся в разрыве социокультурной преемственности, дискретности поколенческих опытов, утрате единого культурного кода социума, проблематизации социальной идентичности, идеологии, морали, традиций, дисфункциональности институтов, напрямую ответственных за социокультурную консолидацию общества.

Опыт постсоветской России показывает, что при отсутствии ответственной государственной власти не может быть защиты прав и свобод человека, реального верховенства обязательных для всех законов, не может существовать единое экономическое пространство и правовое государство. В стране не реализуются декларированные в новой Конституции Российской Федерации всеобщие права человека и гражданина, зато доминирует практика корпоративизма и номенклатурно-чиновничьих усмотрений. Сложившаяся ситуация способствовала созданию благоприятной среды для нарастания социальных, политических и национальных конфликтов, для роста экономической и иной преступности. Эти процессы сопровождаются криминализацией всех основных структур, отношений и форм жизнедеятельности государственной власти и общества, ростом правового нигилизма среди всех групп населения.

В настоящее время уважение к праву как личностно-ценностная ориентация вылилось уже в значимую научную проблему в контексте решения задач, стоящих перед гражданским обществом и правовым государством. Убежденность индивида в справедливости права предопределяет коренным образом его гражданскую активность, которая является высшим структурным элементом правовой культуры общества. Совокупность установок личности, обусловленных приобретенными ею знаниями и идеалами, личным социальным опытом, составляет основу оценки любых реформ, в том числе этических и правовых норм. Степень признания или отвержения личностью новых этических и правовых норм общественной жизни зависит от прошлого социального опыта и системы ценностных ориентаций. Нескольким поколениям россиян пришлось по два-три раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории. Возникшая ситуация сложилась под влиянием многих факторов, в том числе сохранившихся в своей основе прежних мировоззренческих, философских установок, а также возникших уже в современных условиях мировоззренческого плюрализма и одновременно мировоззренческого вакуума [14, с. 180–181].

Кризис социетальных ценностей был важным звеном в общем процессе роста уровня кризисности современного российского общества. Отсутствие реальной ценностно-мировоззренческой основы для социальной интеграции вело к декомпозиции общих, частногрупповых и индивидуальных интересов, к отчужденности от общества властных структур, ставя российское общество в 90-е гг. XX в. на грань аномии. В настоящее время укрепление режима стабилизации в немалой степени зависит от ценностной интеграции общества, усиления его духовно-нравственного потенциала.

Таким образом, закономерная для посттрансформационного периода ценностная дезинтеграция общества, связанная с «культурной травмой», утратой прежними ценностями интегративного потенциала, деидеологизацией, возникшей разобщенностью, ростом социального и имущественного неравенства, существенными различиями условий и парадигмы воспитания старых и новых поколений, стала причиной аксиологического кризиса российского общества, наступления состояния психологической аномии, что в совокупности образовало плодотворный контекст для распространения правового нигилизма и индифферентности по отношению к праву, пересмотра социальных оценок поведения индивидов в сторону повышения толерантности к его неправовым и криминальным формам. В массовом мировоззрении россиян произошло ослабление морально-психологического барьера, препятствовавшего ранее распространению криминальных практик, что само по себе стало в условиях ослабления институционального контроля стимулом и фактором роста криминогенных процессов в современном российском обществе.

Быстрый рост социальной дифференциации и сопутствующее ему стремительное разрушение социетального единства ценностей до состояния мировоззренческого и аксиологического вакуума, неспособность общества в краткие сроки выработать новые ценности с достаточным интегративным потенциалом, психологическая аномия, обусловленная утратой ценностно-нормативных ориентиров и связанных с ними личностных смыслов, образуют единый, организованный по нигилистическому типу аксиологический контекст, выступающий стимулом формирования на уровне массового сознания толерантности к неправовому и криминальному поведению и ощущения дозволенности его как способа решения повседневных жизненных проблем.

Ссылки:

1. См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1 ; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2.

2. Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М., 1994.
3. Задорин И.В., Шубина Л.В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет // Политика. 2006. № 3.
4. Чего опасаются россияне? Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2008.
5. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под общ. ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М., 2009.
6. См.: Кочетков А.В. Проблемы противодействия криминальной идеологии в культуре: Криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2002.
7. Исследование было проведено 9–11 апреля 2005 г. силами двух подразделений Группы компаний Imageland – Департамента исследований и специальных проектов и call-центра «Горячие линии». В опросе приняли участие 1000 человек. Статистическая погрешность для подобных опросов составляет не более 4 %. (Дайджест материалов экспертного обсуждения темы «духовно-нравственное состояние современного российского общества». URL: www.imageland.ru/news/14_04_05.1.htm)
8. 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Институт комплексных социальных исследований РАН. Российский независимый институт социальных и национальных проблем. М., 2002.
9. Там же.
10. См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
11. Там же.
12. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000. М., 2000.
13. Крухмалев А.Е. Политическая социология: новые подходы к проблеме // Социологические исследования. 2000. № 2.
14. Рашева Н.Ю., Гомонов Н.Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1.

References (transliterated) and notes:

1. См.: Shtompka P. Sotsial'noye izmeneniye kak travma // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2001. № 1 ; Shtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2001. № 2.
2. Parsons T. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy sistematicheskoy teorii v sotsiologii // Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. M., 1994.
3. Zadorin I.V., Shubina L.V. Vospriyatiye rossiyanami sotsial'nykh riskov i ugroz: sostoyaniye i dinamika za 10 let // Politika. 2006. № 3.
4. Chego opasayutsya rossiyanе? Analiticheskiy doklad Instituta sotsiologii RAN. M., 2008.
5. Rossiya na novom perelome: strakhi i trevogi / pod obshch. red. M.K. Gorshkova i V.V. Petukhova. M., 2009.
6. См.: Kochetkov A.V. Problemy protivodeystviya kriminal'noy ideologii v kul'ture: Kriminologicheskiye i ugovovno-pravovyye aspekty. M., 2002.
7. The study was conducted in April 2005 9.11 by two divisions of the Group companies Imageland - Department of Research and Special Projects, and call-center "hot line". The survey polled 1,000 people. The margin of error for such surveys is not more than 4 %. (Daydzhest materialov ekspertnogo obsuzhdeniya temy «dukhovno-nravstvennoye sostoyaniye sovremennogo rossiyskogo obshchestva»). URL: www.imageland.ru/news/14_04_05.1.htm)
8. 10 let rossiyskikh reform glazami rossiyan. Analiticheskiy doklad. Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridrikha Eberta v Rossiyskoy Federatsii. Institut kompleksnykh sotsial'nykh issledovaniy RAN. Rossiyskiy nezavisimyy institut sotsial'nykh i natsional'nykh pro-blem. M., 2002.
9. Ibid.
10. См.: Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v Rossii (XIX–XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoye osmysleniye. SPb., 2000. 11. Ibid.
11. Levada YU.A. Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskiye ocherki, 1993–2000. M., 2000.
12. Krukhmalev A.Ye. Politicheskaya sotsiologiya: novyye podkhody k probleme // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2000. № 2.
13. Rasheva N.YU., Gomonov N.D. Tsennost' prava v kontekste sistemy tsennostey sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik MGTU. 2006. Т. 9. № 1.